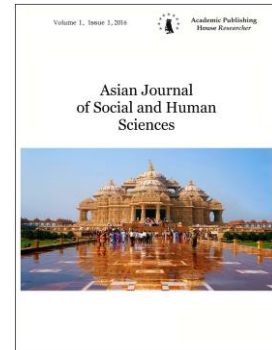

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Asian Journal of Social and Human Sciences
Has been issued since 2016.
E-ISSN 2500-3763
2018, 3(1): 13-21

DOI: 10.13187/ajshs.2018.2.13
www.ejournal45.com

The Features of the Activities of the Kyrgyz Orthodox Missions of the Steppe Region and Turkestan (80's of the XIXth and the beginning of the XXth centuries)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, *}

^a Altai State University, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

Abstract

The analysis of the main activities of the Kyrgyz Orthodox mission established in the 80s of the XIX century in Orenburg, Turkestan and Omsk eparchies is represented in the article. The main goal of the missions was to stop the Islamization of the Kazakh nomadic society and to promote of Christianity. To achieve this goal, missions made significant efforts to create infrastructure and stuffing. These efforts allowed to deploy the wide Orthodox promotion in the Steppe region and to create a network of missionary villages, schools, libraries for newly – christened Kazakhs. However, in the conditions of the mass migration of Russian peasants from the European part of the country to the Steppe region and the lack of a developed parish system of the Russian Orthodox Church in the region, the missionaries of the Kyrgyz missions had to shift the emphasis in their activities towards fulfilling the duties of parish priests. This circumstance did not allow full accomplishing the tasks assigned to the Kyrgyz missions and significantly reduce religious promotion among the Kazakh population.

Keywords: Russian Orthodox Church, Turkestan, Steppe Region, missionary work, Kazaks, peasant migrants.

1. Введение

На протяжении последних десятилетий в российской и зарубежной историографии активно разрабатываются вопросы политики России в ее национальных окраинах. В рамках имперского дискурса обращается внимание на тот факт, что применительно к отдельным этнорегионам – Польше, Кавказу, Сибири, Степному краю или Туркестану – выстраивалась индивидуальная модель отношений центра-периферии, учитывающая их экономический и демографический потенциал, конфессиональную ситуацию, уровень этнической консолидации и т.д. (Дякин, 1998; Капеллер, 2000; Ланда, 1995; Садвокасова, 2005; Тихонов, 2008). Однако при всем многообразии практик взаимодействия с национальными окраинами, стратегически они были направлены на сохранение территориальной целостность империи, противодействие регионализму и сепаратистским тенденциям. Решение данной задачи мылилось только при условии инкорпорации национальных окраин России в политико-правовое, социально-экономическое и культурное пространство империи.

Идеологической скрепой политики инкорпорирования стал отказ от национализма и провозглашение принципов сохранения религиозно-культурной специфики российских

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Y.A. Lysenko)

народов при активном распространении среди них на законодательном и административном уровне православия, русского языка и культуры (Батунский, 2003). На практике политика русификации в некотором смысле приняла тотальный характер и, как отмечал российский исследователь А.Ю. Арапов, «два последних десятилетия XIX в., совпавшие по времени с царствованием Александра III и первыми годами правления Николая II, стали временем торжества охранительной политики «православного консерватизма» (Ислам в Российской..., 2001: 24). При сохранении прежних установок, признающих полиэтничность облика России и проведении политики веротерпимости, значительно возросла роль православной церкви и активизировалась ее миссионерская деятельность среди многочисленных народов империи. Православное миссионерство, в том числе в отношении казахского кочевого населения Степного края и Туркестана, стало рассматриваться как составная часть имперской национально-интеграционной политики.

2. Материалы и методы

Для определения особенностей и своеобразия деятельности Киргизских православных миссий Степного края и Туркестана использовались материалы делопроизводства миссий, отложившиеся в центральных и региональных архивах Российской Федерации (РГИА, ГАОО, ГАОрО), а также Центральном государственном архиве Республики Казахстан. Наиболее информативным источником делопроизводства стали ежегодные Отчеты о деятельности Киргизских миссий, в которых содержится информация об их инфраструктурном и кадровом развитии, описываются методы и формы работы среди казахского кочевого населения, приводятся данные о численности новообращенных и проблемах их социокультурной адаптации. Записки миссионеров Киргизских миссий, их отчеты о миссионерских поездках, наблюдения за жизнью новообращенных публиковались на страницах епархиальных периодических изданиях – Омских, Оренбургских, Туркестанских епархиальных ведомостях. Данные материалы также были использованы при подготовке статьи.

В работе применялись историко-генетический метод, позволивший реконструировать причины организации миссионерства Русской православной церкви в Степном крае и Туркестане, а также историко-сравнительный, направленный на определение особенностей деятельности миссий.

3. Обсуждение

Проблема взаимодействия государства с многочисленными народами Российской империи стала одним из ключевых сюжетов российской историографии. В дореволюционный период изучение этого вопроса мотивировалось сугубо практическими соображениями. Поэтапное включение в состав империи регионов компактного проживания мусульманского и языческого населения требовало от представителей научных кругов комплексного изучения его материальной и духовной культуры, религиозной системы, выявления экономического и военного потенциала, целесообразности присоединения в рамках общегосударственных интересов. В отношении казахского кочевого сообщества исследователи акцентировали внимание на вопросах его исламизации. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Степном крае не стала предметом специального научного исследования. Лишь отдельные ее сюжеты косвенно освещались в фундаментальных трудах Н.М. Чернавского, И. Голошубина, посвященных истории Русской православной церкви в Степном крае и Туркестане (Голошубин, 1914; Чернавский, 1902).

В советский период атеистический курс государства исключал возможность объективного исследования истории российского православия. Интерес к истории РПЦ и ее миссионерства возник в 90-е гг. XX в. на волне формирования методологического плюрализма. Большая часть российских ученых, занимающихся данной темой, рассматривает православное миссионерство как составную часть интеграционной политики государства в отношении народов национальных окраин. Ими реконструирована история отдельных православных миссий – Алтайской, Обдорской, Камчатской, Забайкальской, – действовавших в этнорегионах, биографии их руководителей и служителей, основные направления деятельности. В целом исследователи позитивно оценивают вклад миссий в

социо-культурное развитие народов Азиатской России и их интеграции в общеимперское пространство (Ерошеев, Кимеев, 1995; Мавлютина, 2001; Крейдун, 2008; Софронов, 2005).

Отдельные сюжеты истории православного миссионерства среди казахского населения Степного края нашли отражение в работах казахских и российских исследователей (Лысенко, 2010; Горбунова, 2003; Тасмагамбетов, 1996). Однако многие аспекты ее деятельности еще предстоит выявить. Данная статья являет собой попытку восполнить существующий в историографии пробел.

4. Результаты

Деятельность трех православных Киргизских миссий среди казахского населения Степного и Туркестанского генерал-губернаторства была организована в 70–90-е гг. XIX в. (Лысенко, 2010: 56–88). Административно они подчинялись Омским, Оренбургским и Туркестанским епархиальным властям. В учредительных документах Киргизские православные миссии получили название «антиисламских». Таким образом, определялась конкретная цель их деятельности: в условиях роста общероссийского мусульманского движения во второй половине XIX в., оценивавшегося политическими кругами России как дестабилизирующий фактор, необходимо было вычленив из него казахское население и оказать противодействие усилению роли ислама в степи. Православная идеология рассматривалась как альтернатива исламу.

Действительно, в первые годы функционирования Киргизских миссий, их служащие активно вели православную пропаганду среди казахского населения, занимались переводом богословской литературы на казахский язык и ее распространением среди населения. В условиях кочевого образа жизни казахов основным средством проведения религиозной пропаганды миссионеров стали так называемые разъезды по степи. Посещая располагавшиеся на значительном расстоянии друг от друга казахские аулы, служащие Киргизских миссий иногда проводили в пути по несколько недель.

Важной должностной обязанностью православных миссионеров являлось проведение обряда крещения казахов и наблюдение за их дальнейшей религиозно-нравственной жизнью. С этой целью новокрещенных, как правило, компактно селили в специально создаваемых миссионерских станах – поселках миссий. Здесь миссионеры призваны были оказывать посильную, в том числе, материальную помощь в приобщении крещенных казахов к земледельческому труду и оседлому образу жизни.

К концу XIX в. в ведении Киргизской миссии Омской епархии входило десять станов. Шесть из них – Буконьский, Большенарымский, Долонской, Шульбинский, Заречная слобода (г. Семипалатинск), Черноярский располагались на территории Семипалатинской области, остальные – Атбасарский, Александровский, Еленинский и Татарский станы – в Акмолинской области Степного генерал-губернаторства (Отчет Киргизской миссии..., 1902: 26). В Киргизской миссии Оренбургской епархии числилось пять станов – Богодуховский, располагался недалеко от г. Оренбурга, Александровский, Макарьевский и Актюбинский станы – в Тургайской и Чиликтинский – в Уральской областях (ГАОРО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5. Л. 103об.–106 об.). В Туркестанской епархии, на территории Семиреченской области функционировал один Сарканский миссионерский стан (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 299).

Важным направлением деятельности Киргизских миссий стало миссионерское школьное строительство. Школам такого типа государство отводило значительную роль в реализации задач русификации инородческого населения Российской империи. Организация учебного процесса в них осуществлялась в рамках методики, разработанной идеологом православного миссионерства, преподавателем Казанской духовной академии, профессором Н.И. Ильминским. Методика была нацелена на воспитание учащихся-инородцев в духе христианской идеологии, посредством включения в учебный процесс не только образовательных, но и церковных дисциплин. Преподавание в миссионерских школах велось на родных языках инородцев, однако обязательным было изучение русского языка. Конечным результатом обучения в миссионерских школах являлось воспитание кадров для православных миссий из инородческой среды.

Киргизские миссии Степного края прилагали значительные усилия на организацию миссионерских школ. Этот процесс осуществлялся параллельно с открытием станов миссий.

На их территории велось строительство школьных помещений, подбирались учительские кадры, формировались библиотечные фонды. Учитывая особенности хозяйственного уклада казахов-кочевников, для их детей при миссионерских школах создавались интернаты. А них ученики проживали в течение всего учебного года, причем все расходы на содержание оплачивала миссия. Не менее важной особенностью организации деятельности миссионерских школ стало совместное обучение русских и казахских детей. Это должно было обеспечить более успешную русификацию последних.

Таким образом, на начальном этапе деятельности Киргизскими миссиями Степного края и Туркестана были предприняты все шаги, направленные на реализацию возложенных на них задач. Однако уже в первые годы функционирования миссий, в содержание их работы были внесены значительные коррективы. Причиной стала массовая миграция крестьян из европейских губерний России в Степной край. Именно в 80–90-е гг. XIX в. был принят ряд законопроектов – «Временные правила о переселении крестьян» и «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли», которые легализовали крестьянское переселение и простимулировали его посредством введения ряда льгот. В начале XX в. Столыпинская аграрная реформа вызвала вторую волну миграций аграрного населения в Азиатскую часть империи. «Правила о добровольном переселении на казенные земли в области Сыр-Дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую» от 10 июня 1903 г. открыли для переселенцев Туркестан. Всего за период с 1971 по 1916 гг. в Степной край и Туркестан прибыло около 9 млн чел., что составило 18,02 % от общей численности переселенцев в Азиатскую Россию.

Процесс адаптации крестьян на новом месте жительства сопровождался комплексом проблем различного порядка, одной из которых стало отсутствие в регионе возможностей для реализации религиозно-нравственных потребностей. Церкви, построенные в Степном крае в XVIII - первой половине XIX в., к началу XX в. обветшали. Храмовое, церковно-приходское и церковно-школьное строительство осуществлялись крайне медленными темпами. Духовная консистория Омской епархии, созданной в 1895 г., к 1902 г. даже не имела собственного помещения и располагалась в наемной квартире (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1965. Л.120б.). Большинство церквей епархии по сообщению Епископа Омского и Семипалатинского Сергия в 1906 г. «по своему внешнему виду не величественны, скромны, малопоместительны и чрез то производят на редкого посетителя удручающее впечатление» (РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2161. Л. 10б.). В Оренбургской епархии в начале XX в. насчитывалось 502 приходских церкви, 74 безприходских церкви и 238 молитвенных дома. Из этого количества на Уральскую и Тургайскую области, приходы которых причислялись к этой епархии, приходилось всего 13 церквей (Чернавский, 1902: 337).

Аналогичная ситуация имела место и в Туркестанском генерал-губернаторстве. Из казны Синода на церковные нужды края поступали ограниченные средства. Православное население 65 сельских приходов Туркестанской епархии, имевшихся к началу XX в., было сгруппировано вокруг уездных городов, в то время как многие вновь созданные переселенческие поселки располагались на значительном расстоянии от этих центров. Причты туркестанских приходов были неукомплектованы, а «убогая и скудная внешность здешних православных церквей, по своему резкому контрасту с грандиозными монументальными зданиями мечетей и медресе, – как отмечали местные туркестанские власти, – не может не производить слишком глубокого и крайне невыгодного для нас впечатления» (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 5626. Л. 5–50б.).

Слабое развитие церковно-приходской системы в регионе и, как следствие, отсутствие возможности для исполнения в полном объеме религиозных обрядов и треб, способствовали падению авторитета церкви и росту влияния местного мусульманства населения на бытовую и религиозно-нравственную жизнь переселенцев. Данную тенденцию фиксировали и служащие Киргизских миссий. Например, глава Актюбинского стана Киргизской миссии Оренбургской епархии священник Ф. Соколов неоднократно в «отчетах и деятельности» отмечал, что православные крестьяне-переселявшиеся, прожив несколько лет в окружении казахов-кочевников переставали соблюдать посты, молиться. Аккультурация наблюдалась и на бытовом уровне – обстановка внутри жилищ «чисто мусульманская – впереди разостлана кошма вместо русских столов и лавок, в углу вмазан киргизский казан (котел) и питаются они по-киргизски похлебкой, сваренной из пшеничной крупы, называемой по-киргизски

«коже», а о русском калаче вообще забыли, да и негде его печь за неимением печи русской» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Кн. I. Д. 1426. Л. 73об.).

Кроме того, Ф. Соколовым фиксировались случаи нравственного падения нравов. Так, русские «женщины и девицы, которые по разным причинам принуждены бывают жить в киргизских аулах ...сожительствуют с киргизами-мухамеданами, а потом переходят в ислам, хотя такие случаи пока единичны» (ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 183а. Л. 267об.). Указывались факты незаконного совместного проживания мужчин и женщин, многоженства «по примеру киргиз», незаконного рождения детей. «Дети, – по свидетельству Ф. Соколова, – растут в полном неведении своей веры родной, но и народности, и совсем окиргизиваются. ...Даже взрослые из них – лет 16–17 не знают молитв и перекреститься не умеют, и крестов и поясов не носят, говорят по-киргизски, в землянках сидят в шапках, и вообще ничем не отличаются от киргиз» (ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 8. Л. 200б. – 210б.). В некоторых аулах Ф. Соколов встречал русских детей, вообще не знающих родной язык, говорящих только на казахском и обучающихся «у мулл магометанскому вероучению» (ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5а. Л. 5).

Случаи перехода крестьян-переселенцев, особенно женщин, из православия в ислам фиксировались и в Туркестанской епархии. В этой связи в Туркестанских ведомостях отмечалось: «страшная развращенность туземцев, сравнительно богатая и беспечная жизнь у них, благодаря земельным и имущественным угодьям, бездеятельная гаремная жизнь, потому что туземные женщины ничего не делают, а все доставляют мужья – все это начинает нравиться русской женщине и она чувствует себя прекрасно, забывая, что попала в губительный рай» (ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5а. Л. 5).

Епархиальные власти Степного края были прекрасно осведомлены о начавшихся процессах аккультурации русского православного населения казахским мусульманским. Эта проблема неоднократно обсуждалась на заседаниях Консисторий и Епархиальных комитетов православного миссионерского общества. Предлагались различные варианты решения данной проблемы. В частности, предпринимались всевозможные усилия по развитию церковно-приходского строительства в регионе, решению кадровой проблемы, организовывалась работа «разъездных причтов», направлявшихся в отдаленные переселенческие поселки для совершения религиозных обрядов и т.д. В конце XIX в., в связи со строительством железной дороги в Туркестанском крае, были запущены в действие вагоны-церкви. Об их передвижении заранее сообщалось в Туркестанских епархиальных ведомостях, и жители близлежащих деревень и станиц собирались к церкви-вагону для совершения религиозных служб.

Одним из результатов этой сложной ситуации стало и смещение акцентов в работе Киргизских миссий Степного края и Туркестана. Основной задачей их деятельности становилось теперь ограничение влияния ислама на русское православное население, миссионерская работа среди него и закрепление в православной вере. Образованные станы и поселки Киргизских миссий для новокрещенных очень быстро стали смешанными в этническом плане – «...переселенцы-крестьяне при крайней скудности церквей..., усиленно стремились селиться при миссионерских церквях», а миссионеры-священники вынуждены были выполнять и обязанности приходских священников (Отчет о состоянии Киргизской..., 1899).

Показательна в этой связи, ситуация, сложившаяся в Александровском стане Киргизской миссии Омской епархии. В 1911 г. здесь на попечение священника А. Иовлева, наряду с миссионерскими функциями, было возложено отправление религиозных треб для жителей 14 переселенческих поселков. Долонской стан включал 12 казахских поселков, 3 крестьянские и 2 татарские деревни, а также Аккульскую, Бескарагайскую, Малыбаевскую, Сентаневскую, Айчыржалскую, Кентюбекскую казахские волости. Обязанности приходского священника в Омской епархии выполнял и миссионер Большенарымского стана, «...что отвлекало его от своих прямых обязанностей» (ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 60. Л. 10б.).

По данным «Отчетов о деятельности» служащих Киргизской миссии Омской епархии, славянское население увеличивалось в станах с каждым годом. В 1901 г. паству миссии составляли 4633 человека, из которых русских – 4121, казахов – 512 человек, в 1907 г. этот показатель возрос до 8006 человек, из которых 7716 – русские и 290 – крещенные казахи,

в 1909 г. – 13333, 12837 и 296 соответственно. Таким образом, большинство паствы Киргизской миссии Омской епархии составляли крестьяне-переселенцы, а не новообращенные казахи. Миссионеры фактически не имели возможности прилагать «все старания ...на служение именно миссии». Они фактически перестали уделять внимание изучению казахского языка, переводу миссионерской литературы, обустройству быта новокрещенных казахов и т.д. (ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 115. Л. 70б.).

Аналогичная ситуация имела место в Киргизской миссии Оренбургской епархии. В конце XIX в. миссионер Макарьевского стана Г. Крашенинников настаивал на открытии второго штата причта, поскольку со времени образования стана в его состав постепенно вошло и русское население. Его приход состоял из поселков Макарьевского, Степановского и Михайловского, с населением общей численностью около 2000 человек. Помимо этого, с просьбами об исполнении треб к миссионеру обращались и русские жители окрестных заимок, находящихся в степи вдали от поселков. В заведывании миссионера находились также макарьевская миссионерская школа с интернатом, Макарьевская женская церковно-приходская, школа грамоты и Степановская женская церковно-приходская школа. Г. Крашенинников подчеркивал, что заведывать Макарьевским станом, в котором числилось «до 22 семей новокрещенных киргиз» и тем более совершать поездки по окрестным аулам хотя бы один раз в год» ему совершенно не осталось времени (ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5. Л. 182об.–183об.).

Наплыв крестьян-переселенцев в станы Киргизских миссий трансформировал и суть миссионерских школ. Преобладающим в этническом плане контингентом учащихся в них стали дети русских крестьян-переселенцев или казаков. Это, в свою очередь, потребовало изменения системы обучения и методики: от воспитания кадров Киргизских миссий из представителей местной этнической среды – казахов – пришлось отказаться. Помимо богословских дисциплин в учебный процесс внедрялись дисциплины светской направленности, например, арифметика, география и история, столярное мастерство, призванные подготовить выпускников «ко взрослой жизни». Как свидетельствуют архивные данные, все эти обстоятельства делали миссионерскую школу еще менее популярной среди казахского населения. С начала XX в. наблюдалась устойчивая тенденция поступления казахских детей в школы Министерства народного просвещения.

5. Заключение

Таким образом, нерешенность проблемы удовлетворения религиозно-нравственных потребностей православных жителей Степного края и Туркестана, их концентрация в миссионерских станах объективно способствовала смещению акцентов в работе миссионеров Киргизских православных миссий и постепенному сведению на нет миссионерской работы среди казахского населения. Возможности целенаправленно и систематично заниматься антиисламской работой и пропагандой православия среди казахов-кочевников миссионеры были лишены. Свидетельством данного тезиса является крайне низкие количественные показатели обращения казахов в лоно Русской православной церкви. Председатель Православного миссионерского общества в отчете за 1912 г. отмечал: «Киргизская миссия Омской епархии не может быть названа в строгом смысле инородческою, так как она обслуживает по преимуществу религиозные нужды русского населения, приток которого из Европейской России в области Семипалатинскую и Акмолинскую еще продолжается. ... Собственно инородческая постова миссии представляется незначительною. За все 19 лет существования Киргизской миссии в самостоятельном виде ею было приобретено для церкви христовой 290 человек» (РИГА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1681. Л. 3).

Ситуация, связанная со значительной трансформацией цели и задач деятельности Киргизских миссий Степного края и Туркестана, позволяет поставить под сомнение и выводы некоторых современных казахстанских исследователей о тотальной духовной экспансии России в регионе в имперский период. Концепция имперской национальной политики, связанная с масштабной интеграцией многочисленных народов страны на основе русского языка, культуры и православия, безусловно, нашла воплощение в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах. Однако в процессе реализации она натолкнулась

на комплекс проблем, не позволивших в полном объеме обеспечить культурно-религиозную интеграцию казахского общества в общеимперское пространство.

6. Благодарности

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 17-81-01007 «Социально-политические процессы в Степном крае и Туркестане в период Гражданской войны и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии (1918–1922 г.)».

Литература

- Батунский, 2003** – *Батунский М.А.* Россия и ислам. Ч. II. М.: Прогресс-традиция. 2003. 349 с.
- ГАОО** – Государственный архив Омской области
- ГАОрО** – Государственный архив Оренбургской области
- Горбунова, 2000** – *Горбунова С.В.* Крещеные казахи российской империи // *Центральная Азия и Сибирь*. Барнаул, 2000. С. 247-252.
- Дякин, 1998** – *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. 1000 с.
- Ерошов, Кимеев, 1995** – *Ерошов В.В., Кимеев В.М.* Тропой миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. Кемерово, 1995. 130 с.
- Ислам в Российской..., 2001** – *Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Под ред. Д.Ю. Арапова.* М., 2001. 367 с.
- Капеллер, 2000** – *Капеллер А.* Россия – многонациональная империя. М., 2000. 344 с.
- Крейдун, 2008** – *Крейдун Г.* Алтайская духовная миссия в 1830–1919 гг.: структура и деятельность. М., 2008. 200 с.
- Ланда, 1995** – *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. М., 1995. 312 с.
- Лысенко, 2010** – *Лысенко Ю.А.* Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010. 193 с.
- Мавлютина, 2001** – *Мавлютина Г.Ш.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Тюмень, 2001. 180 с.
- Отчет Киргизской миссии..., 1902** – *Отчет Киргизской миссии за 1901 г. // Омские епархиальные ведомости.* 1902. № 11–12. 1–15 июня. С. 18–31.
- Отчет о состоянии Киргизской..., 1899** – *Отчет о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1898 г. // Омские епархиальные ведомости.* 1899. № 18. 15 сентября. С. 4–18.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив
- Садвокасова, 2005** – *Садвокасова З.Т.* Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Алматы, 2005. 345 с.
- Софронов, 2005** – *Софронов Ю.В.* Три века сибирского миссионерства. Ч. 1–3. Тобольск, 2005.
- Тасмагамбетов, 1996** – *Тасмагамбетов А.С.* Из миссионерской деятельности православной церкви в Казахстане во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник высшей школы.* 1996. № 6. С. 81–84.
- Тихонов, 2008** – *Тихонов А.К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX вв. СПб., 2008. 353 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан
- Чернавский, 1902** – *Чернавский Н.М.* К истории Оренбургской епархии. Казань, 1902. Вып. 2. 1058 с.

References

- Batunskiy, 2003** – *Batunskiy M.A.* (2003). Rossiya i islam. Ch. II. [Russia and Islam. Part II]. Moscow, Progress-traditsiya, P. 349. [in Russian]
- GAOO** –Gosudarstvennyy arkhiv Omskoy oblasti [State archive of the Omsk region]. [in Russian]
- GAOrO** –Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti [State archive of the Orenburg region]. [in Russian]

Gorbunova, 2000 – *Gorbunova S.V.* (2000). Kreshchenyye kazakhi rossiyskoy imperii. [Baptized Kazakhs of the Russian Empire]. *Tsentralnaya Aziya i Sibir*, Barnaul, pp. 247-252. [in Russian]

Dyakin, 1998 – *Dyakin V.S.* (1998). Natsionalnyy vopros vo vnutrenney politike tsarizma (XIX – nachalo XX vv.) [National question in the domestic policy of tsarism (XIX – early XX centuries)]. Saint-Petersburg, P. 1000. [in Russian]

Eroshov, Kimeyev, 1995 – *Eroshov V.V., Kimeyev V.M.* (1995). Tropoyu missionerov. Altayskaya dukhovnaya missiya v Kuznetskom kraye. [The path of the missionaries. Altai spiritual mission in the Kuznetsk region]. Kemerovo, P. 130. [in Russian]

Islam v Rossiyskoy..., 2001 – Islam v Rossiyskoy imperii (zakonodatelnyye akty. opisaniya. statistika). Pod red. D.Yu. Arapova. [Islam in the Russian Empire (legislative acts. descriptions. Statistics)]. Moscow, 2001, P. 367. [in Russian]

Kapeller, 2000 – *Kapeller A.* (2000). Rossiya – mnogonatsionalnaya imperiya [Russia is a multinational Empire]. Moscow, P. 344. [in Russian]

Kreydun, 2008 – *Kreydun G.* (2008). Altayskaya dukhovnaya missiya v 1830-1919 gg.: struktura i deyatelnost [Altai spiritual mission in 1830-1919: structure and activity]. Moscow, P. 200. [in Russian]

Landa, 1995 – *Landa R.G.* Islam v istorii Rossii. [Islam in the history of Russia]. Moscow, 1995, p. 312. [in Russian]

Lysenko, 2010 – *Lysenko Yu.A.* (2010). Missionerstvo Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Missionary work of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (the second half of XIX – beginning of XX century)]. Barnaul, P. 193. [in Russian]

Mavlyutina, 2001 – *Mavlyutina G.Sh.* (2001). Missionerskaya deyatelnost Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Severo-Zapadnoy Sibiri (XIX – nachalo XX v.) [Missionary activity of The Russian Orthodox Church in Northwest Siberia (XIX – beginning of XX century)]. Tyumen. P. 180. [in Russian]

Otchet Kirgizskoy missii..., 1902 – Otchet Kirgizskoy missii za 1901 g. [Report of the Kyrgyz mission for 1901]. *Omskiye eparkhialnyye vedomosti*, 1902. № 11–12. 1–15 june, pp. 18-31. [in Russian]

Otchet Kirgizskoy missii..., 1899 – Otchet Kirgizskoy missii za 1898 g. [Report of the Kyrgyz mission for 1898]. *Omskiye eparkhialnyye vedomosti*, 1899, № 18, 15 september, pp. 4-18. [in Russian]

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [The Russian state historical archive]. [in Russian]

Sadvokasova, 2005 – *Sadvokasova Z.T.* (2005). Dukhovnaya ekspansiya tsarizma v Kazakhstane v oblasti obrazovaniya i religii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Spiritual expansion of tsarism in Kazakhstan in the field of education and religion (the second half of XIX – beginning of XX centuries)]. Almaty, P. 345. [in Russian]

Sofronov, 2005 – *Sofronov Yu.V.* (2005). Tri veka sibirskogo missionerstva. Ch. 1–3. [Three centuries of Siberian missionary work. Part 1–3]. Tobolsk. [in Russian]

Tasmagambetov, 1996 – *Tasmagambetov A.S.* (1996). Iz missionerskoy deyatelnosti pravoslavnoy tserkvi v Kazakhstane vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [From missionary activity of Orthodox Church in Kazakhstan in the second half XIX– the beginning of XX century]. *Vestnik vysshey shkoly*, № 6, pp. 81-84. [in Russian]

Tikhonov, 2008 – *Tikhonov A.K.* (2008). Katoliki. musulmane i iudei Rossiyskoy imperii v posledney chetverti XVIII – nachale XX vv. [Catholics. Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of XVIII – early XX centuries]. Saint-Petersburg. P. 353. [in Russian]

TsGA RK – Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central state archive of the Republic of Kazakhstan]. [in Russian]

Chernavskiy, 1902 – *Chernavskiy N.M.* (1902). K istorii Orenburgskoy eparkhii [The history of the Orenburg diocese]. *Kazan*, №2, P. 1058. [in Russian]

Особенности деятельности Киргизских православных миссий Степного края и Туркестана (80 гг. XIX – начало XX вв.)

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

Аннотация. В статье представлен анализ основных направлений деятельности Киргизских православных миссий, созданных в 80-е гг. XIX в. в Оренбургской, Туркестанской и Омской епархиях. Их основной целью должно было стать пресечение исламизации казахского кочевого общества и пропаганда христианства. Для реализации поставленной задачи Миссиями были предприняты значительные усилия, направленные на формирование инфраструктуры и кадрового состава. Это позволило развернуть широкую православную пропаганду в Степном крае и создать сеть миссионерских поселков, школ, библиотек для новокрещеных казахов. Однако в условиях массовой миграции русских крестьян-переселенцев из Европейской части страны в Степной край и отсутствия развитой церковно-приходской системы Русской православной церкви в регионе, миссионерам Киргизских миссий пришлось сместить акцент в своей деятельности в сторону выполнения обязанностей приходских священников. Это обстоятельство не позволило в полном объеме выполнить возложенные на Киргизские миссии задачи и значительно сократить религиозную пропаганду среди казахского населения.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Туркестан, Степной край, миссионерство, казахи, крестьяне-переселенцы.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)